

ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА¹

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТАТЬЯ 7

«2. В Российской Федерации [...] обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [...]».

СТАТЬЯ 38

«1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

2. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей».

Постановление от 22 ноября 2011 года № 25-П/2011

Пункт 3.3, абз. 1, 2:

Основанные на положениях Конституции Российской Федерации о социальном характере российского государства и необходимости защиты семьи, материнства и детства, в том числе в трудовых и государственно-служебных отношениях (статьи 7 и 37; статья 38, часть 1), а также на требованиях международных актов (пункт 3 статьи 27 Конвенции о правах ребенка) государственные гарантии, предоставляемые женщинам в связи с материнством и воспитанием ребенка, имеют целью не только обеспечение им возможности сочетать семейные обязанности с профессиональной деятельностью, достижение фактического равенства в сфере труда, но и прежде всего – защиту интересов ребенка, создание условий, необходимых для его полноценного развития.

Правовая природа этих гарантий, как направленных наряду с другими мерами государственной поддержки на защиту материнства и детства,

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

предопределяет широкую сферу их применения. В силу этого лишение проходящих государственную гражданскую службу одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, государственной защиты, которая в случае увольнения по инициативе представителя нанимателя гарантируется действующим законодательством женщинам – государственным служащим, проходящим военную или правоохранительную службу, равно как и тем женщинам, которые осуществляют трудовую деятельность по трудовому договору, недопустимо, поскольку в нарушение конституционных принципов равенства, справедливости и соразмерности не имеет разумного и объективного оправдания и не основано на особенностях государственной гражданской службы.

Постановление от 15 декабря 2011 года № 28-П/2011

Пункт 5, абз. 3, 4:

Конституция Российской Федерации признает заботу о детях, их воспитание равным правом и обязанностью родителей (статья 38, часть 2). Принцип равенства прав и обязанностей обоих родителей в отношении их детей, получивший свое закрепление и конкретизацию в Семейном кодексе Российской Федерации, корреспондирует положениям Конвенции о правах ребенка, возлагающей на государство обязанность предпринимать все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка (пункт 1 статьи 18).

Из этого следует, что на обоих родителей может распространяться и государственная поддержка, в которой нуждается семья, имеющая ребенка, не достигшего трехлетнего возраста и потому требующего особого ухода, тем более если в такой семье воспитывается несколько малолетних детей. Соответственно, при определении мер государственной поддержки семьи, направленных на обеспечение ее материального благополучия, многодетным семьям, воспитывающим малолетних детей, должна предоставляться

повышенная защита, поскольку в таких семьях мать зачастую не может осуществлять трудовую деятельность в силу необходимости осуществлять уход за детьми и их воспитание и единственным кормильцем является отец.

Пункт 5.1, абз. 4:

[...] предоставление гарантии, закрепленной в части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, не может ставиться в зависимость исключительно от того, кто – мать или отец – работает (состоит в трудовых отношениях), а кто осуществляет уход за детьми, поскольку дифференциация, основанная лишь на указанном критерии и не учитывающая всех обстоятельств, значимых для выполнения родителями обязанности по содержанию и воспитанию детей надлежащим образом, снижает эффективность системы государственной поддержки института семьи и в условиях недостаточности мер социальной защиты работников с семейными обязанностями может приводить – в нарушение конституционных принципов равенства и справедливости – к не имеющим объективного и разумного оправдания различиям в положении семей, воспитывающих малолетних детей.

Постановление от 6 декабря 2012 года № 31-П/2012

Пункт 4.3, абз. 1, 2:

[...] пункт 4 части 1 статьи 33 и подпункт «а» пункта 3 части 1 статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» во взаимосвязи с частью 3 статьи 37 названного Федерального закона, по существу, составляют единое нормативное положение, которое – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – допуская увольнение с государственной гражданской службы (расторжение служебного контракта) по инициативе представителя нанимателя проходящих государственную гражданскую службу беременных женщин, не находящихся в отпуске по беременности и родам, в случаях, не связанных с ликвидацией соответствующего государственного органа, в том числе при

совершении дисциплинарного проступка, вводит различия в объеме гарантий для беременных женщин, предоставляемых в системе действующего правового регулирования, на основании одного только признака – сферы осуществляемой ими профессиональной деятельности, а следовательно, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (часть 3) во взаимосвязи со статьями 7 (часть 2) и 17.

Это, однако, не означает, что при совершении дисциплинарного проступка беременные женщины, проходящие государственную гражданскую службу, – исходя из правового статуса государственных гражданских служащих и учитывая требования, предъявляемые к ним в связи с осуществлением задач по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, – полностью освобождаются от дисциплинарной ответственности. В подобных случаях к государственному гражданскому служащему может быть применено дисциплинарное взыскание – при условии установления самого факта совершения дисциплинарного проступка – с учетом его тяжести, степени вины государственного гражданского служащего, обстоятельств, при которых он совершен, и предшествующих результатов исполнения государственным гражданским служащим своих должностных обязанностей (часть 3 статьи 58 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Постановление от 27 марта 2018 года № 13-П/2018

Пункт 6, абз. 4–6:

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно подтверждаемой им в своих решениях

(постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 29 января 2004 года № 2-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 27 марта 2012 года № 8-П, от 1 июля 2015 года № 18-П и др.), при изменении или отмене ранее установленных мер социальной поддержки законодатель субъекта Российской Федерации обязан соблюдать принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает его ответственность за качество принимаемых решений, сохранение присущей природе законодательных актов разумной стабильности правового регулирования, обеспечение надлежащей правовой определенности, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики в социальной сфере.

В силу указанного принципа, который распространяется не только на права, закрепленные непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и на права, приобретаемые на основании закона, наделение законодателя субъекта Российской Федерации полномочием устанавливать и отменять дополнительные меры социальной поддержки отдельных категорий граждан не означает, что он обладает неограниченной свободой усмотрения и может произвольно отказываться от взятых на себя ранее публично-правовых обязательств. Напротив, он должен, предпринимая все усилия к их сохранению, находить баланс конституционно значимых ценностей, публичных и частных интересов, а если, с учетом состояния бюджета субъекта Российской Федерации, это оказывается объективно невозможным, – по крайней мере, максимально смягчить негативные последствия для лиц, имевших основанные на законодательном регулировании ожидания и рассчитывавших на получение соответствующих мер социальной поддержки. Иное не только противоречило бы природе социального государства, но и расходилось бы с вытекающим из статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации и обращенным к органам публичной власти требованием обеспечения признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов.

Между тем законодатель Ставропольского края, отменяя меру социальной поддержки многодетных семей в виде материнского (семейного) капитала, не предусмотрел какого-либо компенсаторного механизма, направленного на смягчение неблагоприятных последствий такой отмены для семей, которые в связи с рождением третьего ребенка или последующих детей приобрели право на получение данной выплаты на основании ранее действовавшего правового регулирования. Тем самым были нарушены принципы социального государства и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, а также требования справедливости и соразмерности, которые должны соблюдаться при осуществлении правового регулирования в этой сфере, что несовместимо с положениями статей 2, 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Постановление от 27 мая 2020 года № 26-П/2020

Пункт 4, абз. 7, 8:

[...] по смыслу положений законодательства об отдельных видах государственной службы, а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации к лицам, воспитывающим ребенка без матери (отца), можно отнести тех, кто самостоятельно воспитывает ребенка, если другой родитель умер, безвестно отсутствует, признан недееспособным (ограниченно дееспособным), лишен родительских прав или ограничен в них, долгое время проходит лечение в медицинской организации, отбывает наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов либо отказался взять своего ребенка из оказывающей социальные услуги, медицинской, образовательной или аналогичной организации. При этом как действующие в сфере государственной службы законы, так и [постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 года № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних»] не содержат исчерпывающего перечня обстоятельств, свидетельствующих о

воспитании ребенка без участия матери (отца), допуская тем самым учет разнообразных факторов (объективных причин), препятствующих родителю участвовать в воспитании ребенка и уходе за ним.

Учитывая такие факторы, необходимо исходить из целей соответствующего правового регулирования, включающих выполнение конституционных требований по обеспечению жизненно важных интересов ребенка, созданию условий, способствующих его всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию. Это означает, что, разрешая вопрос об увольнении военнослужащего по основанию, предусмотренному абзацем пятым подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», как воинские должностные лица, так и суды, рассматривающие дела данной категории, должны принимать во внимание весь комплекс конкретных обстоятельств, имеющих значение для реализации указанных целей, включая оценку состояния здоровья ребенка и зависящую от такой оценки возможность посещения им дошкольной образовательной организации, наличие или отсутствие причин, препятствующих второму родителю участвовать в воспитании ребенка и уходе за ним.

Постановление от 29 июня 2021 года № 30-П/2021

Пункт 3, абз. 4, 5:

[...] по общему правилу право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка (детей) является производным от права женщины и может быть реализовано лишь в случае, когда возникшее у женщины право на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом, в частности в связи со смертью женщины, объявлением ее умершей, лишением родительских прав и в других ситуациях отсутствия у ребенка (детей) материнского попечения [часть 3 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»]. При этом данное право мужчины не

является производным от права женщины только тогда, когда он является единственным усыновителем ребенка (детей).

Такое правовое регулирование обусловлено различиями в видах социального риска, которым подвержены мужчины и женщины, а также основаниями возникновения правоотношений по воспитанию детей и само по себе не противоречит закрепленному в статье 19 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципу равенства мужчины и женщины при реализации прав, гарантированных статьями 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации [...].

Пункт 5, абз. 4–6:

[...] предусматривая приоритетное право женщин на предоставление соответствующих мер государственной поддержки, федеральный законодатель не учел, что в семьях с детьми, рожденными с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (в частности, суррогатного материнства), – если изначально в качестве единственного родителя таких детей на основании вступившего в законную силу судебного решения об установлении отцовства был признан их генетический отец, а в последующем, после вступления его в брак, эти дети были усыновлены его супругой – право на получение материнского (семейного) капитала в связи с рождением ребенка в силу объективных причин не может возникнуть у женщины-матери и быть ею реализовано. У женщины же, которая усыновила указанных детей, приходящихся ей пасынками или падчерицами, в силу части 2 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» данное право также не возникает.

Учитывая изложенное, в таких семьях правом на предусмотренные оспариваемым Федеральным законом дополнительные меры государственной поддержки (в частности, на получение материнского (семейного) капитала) в настоящее время не наделен ни мужчина, который признан судом в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных

для него суррогатной матерью, и, вступив в последующем в брак, продолжает воспитывать этих детей в семье совместно с усыновившей их супругой, ни его супруга, усыновившая таких детей.

Однако такие семьи наравне с другими семьями, воспитывающими рожденных или усыновленных детей, выполняют функцию заботы о детях и их воспитания. В то же время правовое положение членов этих семей в части получения материнского (семейного) капитала не определено законодателем, в силу чего указанные семьи поставлены в худшие условия по сравнению с семьями, в которых родители детей (в том числе рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий) или их усыновители приобрели право на дополнительную государственную поддержку в форме материнского (семейного) капитала. Тем самым такие семьи без достаточных к тому оснований лишаются соответствующей государственной поддержки, что не согласуется с требованиями статей 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1) и 67¹ (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Постановление от 14 апреля 2022 года № 15-П/2022

Пункт 4.1, абз. 4:

[...] положения пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации, имея целью охрану прав и интересов несовершеннолетних детей, создание условий, обеспечивающих им достойную жизнь, благосостояние и свободное развитие, будучи направлены на защиту семьи, материнства, отцовства и детства, отражают признание общественной значимости равных родительских прав и обязанностей матери и отца несовершеннолетнего ребенка, что согласуется с конституционными ценностями справедливости и юридического равенства. Эти положения ни сами по себе, ни во взаимосвязи с положениями пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и абзаца восьмого части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации – исходя из необходимости баланса названных ценностей и недопустимости умаления ни

одной из них, в том числе с учетом принципа, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), – не могут служить основанием для лишения несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина, признанного банкротом, содержания в виде денежных средств в размере установленной величины прожиточного минимума для детей и в том случае, если отсутствуют доказательства неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации. Само по себе непредставление гражданином, признанным банкротом, доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с семейным законодательством не имеет юридического значения для оценки правового положения ребенка как находящегося на иждивении гражданина-должника применительно к решению вопроса об исключении из конкурсной массы этого гражданина денежных средств на ребенка в размере, соответствующем предписанию абзаца восьмого части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации.

[Постановление от 21 декабря 2022 года № 56-П/2022](#)

Пункт 3, абз. 7:

[...] с точки зрения цели распоряжения средствами материнского капитала – для улучшения жилищных условий – не очевидны различия между реконструкцией объекта индивидуального жилищного строительства и допускаемой законом реконструкцией иного объекта капитального строительства, предназначенного для постоянного проживания, если за счет этого улучшатся – прежде всего в результате увеличения площади – жилищные условия в жилом помещении, принадлежащем лицу, получившему сертификат на материнский капитал. Предназначению материнского капитала как меры государственной поддержки не

противоречит реконструкция иного, нежели объект индивидуального жилищного строительства, объекта капитального строительства, в результате которой увеличивается площадь жилого помещения, принадлежащего получившему сертификат лицу. [...]

Постановление 15 октября 2024 года № 46-П/2024

Пункт 7, абз. 7:

Наличие публично-правовых элементов в основаниях и порядке создания приемной семьи, а также в выплате соответствующего вознаграждения за счет средств бюджета в соответствии с федеральным законом (Семейным кодексом Российской Федерации) и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и его направленности на стимулирование и поддержку семейного воспитания детей, обеспечение которого является одной из государственных задач, не препятствует тому, чтобы для целей реализации конституционных гарантий возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) государственных органов и их должностных лиц, в случае несвоевременной выплаты причитающегося приемным родителям вознаграждения признать определяющее значение [...] гражданско-правовых элементов для применения [пункта 1 статьи 395] Гражданского кодекса Российской Федерации.